

ми, снимающей специфику предмета, обращу Ваше внимание на самый факт срединности алхимии: полухимера — полунаука, на универсальный характер «дилетантских» притязаний адептов. Двухнаправленность этой половинчатости — оккультно-духовная и магико-препаративная — подчеркнута самим образом первых адептов алхимии в эпоху эллинистического Египта — жрецов, химиков и врачей одновременно, волхвующих и практикующих в соседстве святилищ *Пта* и *Сераписа*. Всякого рода химические приемы, равно как и медицинские, пишет Бертло, исполнялись в сопровождении религиозных формул, молитв, заклятий, считавшихся существенными для успеха как химических операций, так и лечения больных. Только жрецам предоставлялось совершать оба ряда церемоний — и практические, и магические (с. 235—236). Однако знатоки фактов могут возразить, утверждая, что в реальной действительности техническая практика и магические действия были разведены. Между тем в своей разведенности эти фрагменты алхимии уже выступали в ином, не алхимическом, но мировоззренческом качестве, ибо алхимия — не арифметическая сумма, а неразложимый сплав, мировоззренческий синкретизм. Если *Лейденский папирус* свидетельствует о тонком и развитом знании металлических сплавов и окрашиваний, знании, цель которого была имитация *золота* и *серебра*, то, войдя в алхимию, имитация уже выступала не как таковая, а как идейный, мировоззренческий момент, лишь внешне похожий на рукотворную имитацию.

Генетическая увязанность алхимии в ее первоначальном становлении с внехристианскими идеологическими привесками (наиболее заметным из них — гностицизмом) всемерно обсуждается в сочинениях Бертло. История магии и гностицизма тесно связана с историей происхождения алхимии, о чем свидетельствует, например, *Лейденский папирус*. Гностический характер сочинений *Моисея* («*Монада*», «*Тайная книга*», «*Ключ*») неоспорим. Словесная же фактура этих текстов — принципиальное смешение разнородного. Это можно объяснить лишь в том случае, если только сама деятельность осмысливается как не вполне средневековая, поликультурная, окологкультульная реальность.

Гермес, *Зороастр*, *Иаков*, *Иерусалимский храм*, *Аполлон*, *змей Пифон*... — все это мы находим в *Моисеевых* сочинениях. Причислю еще и *Агагодемона*, *Изиду*, *Озириса*, *Останэса*, *царицу Клеопатру*, *быка Анубиса*, *Марию-еврейку*, *Соломона*, *Давида*, *Адама*, *Еву* и даже... *Иисуса Христа*. Гностический и эллинизированный Египет Александрийской эпохи — начальная обитель алхимического дела.

Сюда же вплетается еще и ниточка еврейства. Не развивая этой темы, лишь сошлюсь на М. Гастера: «Следы знакомства евреев с алхимией весьма скудны в современной литературе. Напрасно искали бы мы хотя одного заслуживающего внимания адепта этой науки, который оставил бы в еврейской письменности следы знакомства с нею. С другой стороны, едва ли найдется хоть одна сколько-нибудь солидная древняя книга об этой науке, которая не имеет прямого отношения к еврейству и его традициям» (1901, 2, с. 91).